«В поисках духовного жемчуга. Преподобный Исаак Сирин и его творения». Доклад митрополита Илариона на Первой патристической конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры

10 октября 2013 года в Москве митрополит Волоколамский Иларион, председатель Синодальной Библейско-богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия выступил с докладом на Первой патристической конференции ОЦАД на тему: «Преподобный Исаак Сирин и его духовное наследие». Текст доклада публикуется ниже.

В ПОИСКАХ ДУХОВНОГО ЖЕМЧУГА.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСААК СИРИН И ЕГО ТВОРЕНИЯ

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства,

дорогие отцы, братья и сестры!

Настоящая международная конференция является первой патристической конференцией Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия. Надеюсь, что подобные конференции станут традицией и будут проходить ежегодно. Нынешняя конференция проводится нами совместно с философским факультетом Московского государственного университета.

Четыре года назад по инициативе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на первом же заседании Священного Синода после его избрания на Патриарший престол было создано учебное заведение, призванное стать флагманом богословской науки в Русской Православной Церкви: Общецерковная аспирантура и докторантура. Оно является высшим звеном в системе духовного образования Московского Патриархата. В сотрудничестве с духовными академиями и семинариями, ведущими светскими учебными заведениями России и зарубежья она осуществляет широкий спектр образовательных программ. Под эгидой Общецерковной аспирантуры разрабатываются кандидатские и докторские программы, магистерские модули, ведется серьезная научная деятельность.

Священноначалие нашей Церкви в лице Святейшего Патриарха Кирилла и Священного Синода

уделяет большое внимание развитию различных отраслей богословской науки. Одной из таких отраслей является патристика. Изучение творений Святых Отцов было одной из приоритетных задач наших Духовных академий еще в дореволюционный период. На базе академий осуществлялся систематический перевод творений Святых Отцов, благодаря чему мы сегодня имеем в своем распоряжении многотомные коллекции творений таких греческих и латинских авторов как Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст, Блаженный Августин и многие другие, а также монографии, посвященные Отцам Церкви.

Переводческая и исследовательская деятельность в области патристики возобновилась в 1990-е годы, и сегодня немало исследователей трудится в этой области. Появляются новые переводы творений Отцов Церкви, основанные на современных критических изданиях их трудов, публикуются монографии и статьи, помогающие вписать святоотеческое богословие в контекст современного богословского дискурса, актуализировать мысль Отцов применительно к реалиям сегодняшней церковной жизни.

Одной из лакун в дореволюционной патрологической науке являлась сирийская патристика. В Духовных академиях трудились именитые знатоки латинской и греческой патрологии, но сирологов в нашем Отечестве практически не было. Восьмитомное собрание творений преподобного Ефрема Сирина, имеющееся на русском языке, более чем наполовину состоит из псевдоэпиграфов, переведенных с греческого. Лишь в последних четырех томах имеются труды, переведенные с сирийского оригинала. А знаменитый наш филолог-классик С.И.Соболевский, переводивший в начале XX века труды Исаака Сирина на русский язык с греческого, пользовался немецким переводом его трудов с сирийского для сличения отдельных наиболее трудных мест.

В советское время появились оригинальные отечественные труды по сирологии: здесь, прежде всего, необходимо отметить работы Н.В.Пигулевской, внесшей немалый вклад в дело ознакомления нашего читателя с памятниками сирийской письменности. Следует отметить также труды С.С.Аверинцева, приоткрывшего советскому светскому читателю мир византийской и сирийской патристики через призму литературоведения и исследования «поэтики» раннехристианских текстов. Однако по понятным причинам в эпоху воинствующего безбожия заниматься чисто религиозной проблематикой наши светские исследователи не могли, в результате чего систематического изучения сирийской патристики не происходило.

Лишь в 1990-е годы, после того, как оковы воинствующего безбожия спали, стало возможным полноценное развитие патрологической науки в Русской Церкви. Тут-то и обнаружилась, в числе прочих, серьезнейшая лакуна в области сирийской патрологии. Огромный пласт непереведенных произведений сирийской письменности еще ждет своего переводчика, и большое количество выдающихся трудов сирийских Отцов Церкви еще ждет своего исследователя.

Надо сказать, что и на Западе сирология как специальная отрасль богословской науки окончательно сформировалась лишь в XX веке. Многотомное собрание творений сирийских авторов, издание которого началось под названием Patrologia syriaca в 1897 году, было затем продолжено под названием Patrologia orientalis (с включением в него не только сирийских, но также арабских, армянских, коптских, грузинских и славянских источников). Это собрание, призванное дополнить две монументальных коллекции, появившихся еще в XIX веке – Patrologia graeca и Patrologia latina аббата Миня – становится ценнейшим собранием христианских текстов. Благодаря ему в научный оборот введено большое количество ранее неизвестных (или известных лишь по некачественным изданиям) памятников ориентальной литературы, в том числе сирийской.

Параллельно с публикацией текстов ведется значительная работа по их исследованию, публикуются монографии и статьи, посвященные сирийским авторам. Здесь следует упомянуть фундаментальные труды И.Хаусхерра, А.Вёобуса, А.Минганы и ряда других именитых сирологов, чьи работы стали классическими. В этой плеяде выдающихся сирологов значимое место занимает доктор Себастьян Брок, который сегодня присутствует среди нас и которого я сердечно приветствую. В годы моего пребывания в Оксфорде я имел счастье учиться у него и под его руководством изучать тексты преподобного Исаака Сирина, и я навсегда сохраню в сердце благодарную память об этих уроках.

Именно Себастьяну Броку принадлежит заслуга публикации и введения в научный оборот второго тома творений преподобного Исаака Сирина, благодаря чему наши знания об этом авторе чрезвычайно расширились. Может быть, не случайно, что преподобный Исаак Сирин, несмотря на всю свою значимость для монашеской традиции, для Церквей Востока и Запада, до конца XX века не удостоился ни одного полноценного научного исследования (если не считать небольшой книги аббата Шабо, изданной на латинском языке в 1892 году**[1]**). Видимо, до открытия второго, а вслед за ним и третьего томов творений Исаака, такое исследование было преждевременным. Именно введение в научный оборот новооткрытых текстов преподобного Исаака послужило толчком к оживлению интереса к этому автору, позволило осмыслить его богословскую и аскетическую систему во всей ее полноте.

Преподобный Исаак Сирин как духовный писатель Церкви Востока

Есть один факт, который заставляет говорить об Исааке Сирине как об «особом случае» в истории

святоотеческой письменности. Насколько можно судить по сохранившимся историческим свидетельствам, а также по его собственным творениям, он принадлежал к Церкви Востока, которая признавала (и до сих пор признает) только первые два Вселенских Собора – Никейский 325 года и Константинопольский 381 года – и потому именуется «несторианской», хотя никакой прямой связи с Несторием не имеет. Во времена Исаака канонические границы этой Церкви приблизительно совпадали с границами прежней Персидской империи Сасанидов (ныне Ирак и Иран).

История Церкви Востока восходит к апостольским временам. По преданию, апостолы Фома и Фаддей проповедовали в Персии, где христианство распространялось сначала среди иудеев, а затем и среди самих персов, последователей зороастрийской религии. В III—IV столетиях христиане Персии страдали от жестоких гонений: особенно тяжелыми были гонения Вахрама II (276—292) и Шапура II (310—379).

В течение нескольких столетий Церковь Востока имела лишь спорадические контакты с христианами «страны ромеев» (Восточной Римской империи). На Поместном Соборе 410 года в Селевкии-Ктесифоне Церковь Востока, ранее входившая в состав Антиохийской Церкви, провозгласила самостоятельность, и епископ Селевкии-Ктесифона стал главой всех христиан Персии. Решение Собора утвердил шах Ездегерд I (399—420), лояльно относившийся к христианам. На Соборе в Маркабте в 424 году полномочия епископа Селевкие-Ктесифонского как главы Персидской Церкви были подтверждены и расширены. Впоследствии глава персидских христиан стал именоваться Католикосом-Патриархом Востока.

Изолированная позиция Церкви Востока в значительной степени обусловила своеобразие ее исторического развития: в ней складывались свои литургические традиции, возникали свои богословские школы, вырабатывался самостоятельный богословский язык.

Большое влияние на развитие сирийского христианства оказало движение так называемых «сынов завета» (*bnay qyama*), расцвет которого приходится на IV век**[2]**. «Сыны завета» давали обет безбрачия и вели аскетический образ жизни; нередко они объединялись в небольшие общины для совместного проживания. Впоследствии основные идеи «сынов завета» легли в основу сирийской монашеской духовности.

Важным богословским центром всего восточно-сирийского христианства была так называемая «школа персов» (т. е. персидских беженцев), основанная в IV веке в Эдессе. Главным предметом преподавания было Священное Писание: ученики слушали и записывали толкования своего наставника**[3]**. Школу посещала сироязычная молодежь Эдессы и окрестностей, а также эмигранты из Персии**[4]**. Комментарии святого Ефрема Сирина, который истолковал некоторые

библейские книги, использовались в качестве образца интерпретации Писания до середины V века.

Однако в V веке было принято решение осуществить полный перевод экзегетических сочинений Феодора Мопсуестийского с греческого на сирийский. После того, как перевод был закончен, Феодор Мопсуестийский стал главным библейским комментатором восточно-сирийской традиции: последующие духовные писатели этой традиции, включая Исаака Сирина, ссылались на него как на «Блаженного Толкователя».

Перевод сочинений Феодора имел исключительное значение для сирийского христианства: вместе с библейскими толкованиями Феодора в сирийскую традицию вошли его христологические воззрения. Феодор Мопсуестийский говорил, в частности, о том, что Бог Слово «воспринял» человека Иисуса; безначальное Слово Божие «вселилось» в рожденного от Девы человека Иисуса; Слово жило во Христе, как в храме; Оно облеклось в человеческое естество, как в одежду; человек Иисус благодаря Своему искупительному подвигу и крестной смерти соединился со Словом и воспринял божественное достоинство. Феодор, по сути, говорил о Боге Слове и человеке Иисусе как о двух субъектах, чье соединение в одном Лице воплощенного Сына Божия является не столько онтологическим, сущностным, сколько условным, существующим в *нашем* восприятии: поклоняясь Христу, *мы* объединяем два естества и исповедуем не «двух сынов», но одного Христа — Бога и Человека.

В 20-е годы V столетия именно это учение легло в основу христологической доктрины Нестория, Патриарха Константинопольского, против которого выступил Кирилл Александрийский. Последний в своей полемике с несторианством настаивал на единстве Ипостаси Бога Слова: безначальное Слово есть то же самое Лицо, что и Иисус, родившийся от Девы; поэтому нельзя говорить о Слове и Иисусе как двух разных субъектах. Христология Кирилла была подтверждена III Вселенским Собором, осудившим Нестория. Впоследствии, на V Вселенском Соборе, был осужден и сам «отец несторианства» — Феодор Мопсуестийский. Однако для восточно-сирийских христиан он навсегда остался непререкаемым авторитетом в области богословия. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что Церковь Персии и всю восточно-сирийскую богословскую традицию стали называть «несторианской» — название, которое сама эта Церковь никогда к себе не применяла.

В конце VI века Энана, возглавивший «школу персов» в 572 году, предпринял попытку заменить библейские толкования Феодора на свои собственные. Эта попытка не увенчалась успехом: Собор 585 года подтвердил незыблемый авторитет Феодора, запретив кому-либо «явно или скрыто порицать этого Учителя Церкви или отвергать его святые книги». Впоследствии два Собора, в 596 и 605 годах, осудили толкования Энаны и повторили анафемы против «отвергающих комментарии,

толкования и учения верного учителя, блаженного Феодора-Толкователя, и пытающихся ввести новые и странные толкования, исполненные безумия и злохуления»**[5]**.

Рубеж VI и VII веков ознаменован богословской деятельностью Бабая Великого, который много писал на христологические темы. Его христология является продолжением и своего рода синтезом христологий Феодора Мопсуестийского и Диодора Тарсийского**[6]**. Будучи лидером партии, ратовавшей за строгое следование учению Феодора, Бабай возглавил оппозицию Халкидонскому Собору. Развивая христологические воззрения Феодора, Бабай пользовался «Книгой Гераклида», написанной Несторием в качестве апологии после его осуждения III Вселенским Собором и переведенной на сирийский язык в середине VI века**[7]**. К середине VII века в диптихах Церкви Востока поминались уже «три учителя» — Диодор, Феодор и Несторий**[8]**.

Политические обстоятельства VII века не способствовали сближению Персии с Византией. Напротив, первые десятилетия этого века ознаменовались серией вооруженных конфликтов между двумя великими империями. В конце 627 года византийский император Ираклий одержал победу над персидскими войсками у Ниневии. Впрочем, византийское присутствие в Персии было недолгим. Уже в 30-х годах VII века началось массовое вторжение в Персию арабских мусульманских полчищ. В 637 году пала столица империи Сасанидов Ктесифон, и последний шах Ездегерд III бежал в Загрос. К середине VII века Персия была в руках арабов.

Окончательная утрата политических связей с византийской экуменой и начавшаяся с приходом арабов постепенная исламизация Персии и Сирии не привели в VII и VIII веках к кризису христианства в этих регионах, упадку в богословии и церковной жизни. Совсем напротив, именно эти два столетия являются периодом наивысшего расцвета сироязычного богословия: в это время жили и творили выдающиеся писатели, такие как Мартирий-Сахдона (ставший на сторону Халкидонского Собора), Дадишо Катрайе, Симеон д-Тайбуте (Милостивый), Иосиф Хаззайа (Прозорливый) и Иоанн Дальятский. Все они были писателями по преимуществу мистического направления. Малоизвестные за пределами восточно-сирийской традиции, они, тем не менее, ознаменовали собой «золотой век сирийской христианской литературы». Единственным представителем этого золотого века, которому суждено было приобрести мировую известность, стал преподобный Исаак Сирин.

Биографические сведения об Исааке имеются в двух сирийских источниках: «Книге целомудрия» восточно-сирийского историка IX века Ишоденаха, епископа Басры**[9]**, и анонимном западно-сирийском источнике, время и место написания которого неизвестны**[10]**. Эти источники настолько хорошо известны, что нет необходимости их здесь цитировать. На основании их, а также на основании скудных автобиографических сведений, рассеянных по творениям самого Исаака, его биография может быть восстановлена лишь частично.

Он родился в Катаре, на берегу Персидского залива. Здесь, возле моря, прошло его детство. Морские образы постоянно встречаются в сочинениях Исаака: он говорит о кораблях, о капитанах и матросах, о морских бурях и попутных ветрах, о ныряльщиках и устрицах, извлекаемых из морских глубин. Вот лишь один из них:

Если бы в каждой устрице ныряльщик находил жемчужину, тогда всякий человек быстро разбогател бы. И если бы ныряльщик тотчас добывал жемчужину, и волны не били бы его, и акулы не встречали бы его, не надо было бы ему задерживать дыхание до такой степени, чтобы он задыхался, и не был бы он лишен свежего воздуха, который доступен всем, и не сходил бы в глубины — тогда чаще, чем ударяет молния, и в изобилии попадались бы жемчужины**[11]**.

Возможно, Исаак принял монашество не у себя на родине, а на чужбине. На эту мысль может натолкнуть его собственный рассказ, начинающийся словами: «В другой еще раз пошел я к одному древнему, прекрасному и добродетельному старцу…». В этом рассказе преподобный воспроизводит ответ старца, включающий, в частности, такие слова: «ты никому не известен в этой стране, жития твоего не знают…»**[12]**. Впрочем, анонимный западно-сирийский источник говорит о том, что Исаак «был монахом и учителем *в своей области*», то есть в Катаре, и именно оттуда католикос Гиваргис взял его с собой в Бет-Арамайе**[13]**.

О жизни преподобного Исаака до принятия им епископского сана ничего более не известно. Что же касается его епископской хиротонии, то информация об этом событии, содержащаяся в «Книге целомудрия», с большой четкостью очерчивает время и географию его жизни, а также его место в диптихах Ниневийской епархии Церкви Востока. Католикос Гиваргис (Георгий), рукоположивший Исаака, управлял Церковью Востока с 660 по 680 годы**[14]**, а упомянутый в тексте Католикос Хенанишо — с 685 по 700. Годы пребывания Гиваргиса на престоле совпали с годами правления Муавии I, первого халифа из династии омеядов, избравшего Дамаск столицей арабского халифата**[15]**. На долю Гиваргиса выпал труд по воссоединению епископов Катара, откуда родом был Исаак, с Церковью Востока**[16]**. Возможно, именно по случаю воссоединения Гиваргис решил рукоположить Исаака, уроженца Катара, прославившегося своей аскетической жизнью, в епископа Ниневии**[17]**. Если это предположение верно, то Исаак стал епископом в 676 году или позже, но не позднее 680 года, когда католикос Гиваргис скончался.

Анонимный западно-сирийский источник добавляет несколько незначительных штрихов к его портрету. В частности, этот источник говорит о том, что, когда Исаак ослеп, ученики записывали за ним его наставления. «Его называли вторым Дидимом**[18]**, ибо он был спокойным, добрым и смиренным, и слово его было мягким. Вкушал он по куску хлеба с овощами три раза в неделю... Он составил пять томов, известных даже до сего дня, исполненных сладчайших учений...».

На епископской кафедре Исаак пробыл недолго. О его отречении от епископства сохранилось следующее красочное сказание на арабском языке. Когда Исаак в первый день после епископской хиротонии сидел в своей резиденции, к нему пришли два человека, один из которых, богач, требовал у другого возвращения долга: «Если этот человек отказывается возвратить мне мое, я буду вынужден подать на него в суд». Исаак сказал ему: «Поскольку Священное Евангелие учит не отнимать отданного, тебе следует по крайней мере дать этому человеку день, чтобы он мог расплатиться». Но богач ответил: «Оставь сейчас в стороне Евангелие!» Тогда Исаак сказал: «Если с Евангелием здесь не считаются, зачем я пришел сюда?» Увидев, что епископское служение не соответствует его склонности к отшельнической жизни, «святой отрекся от епископства и удалился в святую Скитскую пустыню»**[19]**.

Последняя деталь рассказа противоречит «Книге целомудрия», где говорится, что Исаак удалился в горы, окружающие Хузистан**[20]**, а не в египетскую Скитскую пустыню. К тому же, трудно поверить в то, что отречение Исаака от епископства было вызвано одним лишь малозначительным инцидентом. Необходимо помнить, что во времена Исаака Ниневия**[21]** была центром активности «монофизитов»-яковитов, с которыми Исаак как «диофизитский» епископ должен был бороться**[22]**. Возможно, что, не будучи склонным к спорам на догматические темы, Исаак предпочел удалиться из Ниневии, ставшей ареной конфликта между противоборствующими партиями.

Последние годы своей жизни Исаак провел в монастыре Раббана Шабура на горе Шуштар**[23]**. Точная дата смерти Исаака неизвестна, как неизвестна дата его рождения.

Вероятно, еще при жизни Исаака Ниневийского почитали святым. После смерти его слава росла по мере распространения его писаний. Иосиф Хаззайа, живший в VIII веке, называл его «знаменитым среди святых»**[24]**. К XI веку Исаак, благодаря греческому переводу его творений, становится широко известен на грекоязычном Востоке: в знаменитой антологии аскетических текстов «Эвергетинос» выдержки из писаний «аввы Исаака Сирина» стоят в одном ряду с подборками из классиков ранневизантийской аскетики.

В то же время и в Церкви Востока продолжается почитание Исаака: его писания приобретают все большее признание, а его имя — все больший авторитет. Последнее подтверждается многочисленными письменными источниками. Один из них относится к XIII веку и представляет собой сводный каталог восточно-сирийских писателей, автором которого является Абдишо из Нисибина: в каталоге упоминаются «семь томов» Исаака «о духовной жизни, о божественных тайнах, о судьбах и о Промысле»**[25]**. В другом источнике, не поддающемся точной датировке, но составленном не позднее XIV века, Исаак назван «наставником и учителем всех монахов, гаванью

спасения для всего мира»**[26]**.

В Православной Церкви почитание Исаака Сирина имеет более чем тысячелетнюю историю: оно началось после появления на свет греческого перевода его творений и продолжается поныне. Память преподобного Исаака, епископа Ниневийского, совершается в Православной Церкви 10 февраля (28 января по старому стилю), вместе с памятью другого великого сирийского писателя и аскета — преподобного Ефрема Сирина. Образ Исаака Сирина нередко присутствует в иконостасах и настенной росписи православных храмов, а также в книжной миниатюре. Одно из известных его изображений относится к началу XVI века: оно находится в местном ряду оригинального иконостаса Успенского собора Московского Кремля. В настоящее время этот иконостас почти полностью закрыт другим, более поздним, однако через имеющееся в местном ряду «окно» хорошо видны образы трех святых, одним из которых как раз и является преподобный Исаак Сирин.

«Экклезиологическим феноменом» можно считать тот факт, что скромный епископ Церкви Востока из далекой персидской провинции стал святым отцом Православной Церкви халкидонского направления. Из русских патрологов первым, кто обратил внимание на этот феномен, был протоиерей Георгий Флоровский. В своей книге «Византийские Отцы V—VIII веков» он писал:

В жизни преподобного Исаака много неясного... В епископы он был поставлен в монастыре Бет-Абэ Патриархом Георгием (660—680)... Мы все время в несторианской среде... И вместе с тем преподобный Исаак стоит здесь как-то обособленно. Неясно, почему ушел он из Ниневии; можно догадываться, что из-за несогласия с местным клиром. В монастыре он жил уединенно... И все-таки его учение соблазняло. Он далеко отходил в нем от антиохийской традиции, впрочем, на Толкователя**[27]** он не раз ссылается**[28]**.

Поскольку факт принадлежности Исаака Сирина к Церкви Востока уже ко временам Флоровского был установлен наукой, в течение XX века он не оспаривался никем из русских или западных ученых. Православных ученых, однако, он ставил перед проблемой: как великий святой, память которого почитается в Православной Церкви, мог быть несторианином? Решить эту проблему пытались по-разному. Флоровский предпочел не входить в ее обсуждение, ограничившись ремаркой о том, что преподобный Исаак в несторианской среде «стоит как-то обособленно». Некоторым решение проблемы виделось в том, что преподобный Исаак лишь «формально»

принадлежал к несторианской Церкви. Такого мнения придерживался известный русский патролог архиепископ Василий (Кривошеин):

Насколько можно судить по дошедшим до нас историческим данным, святой Исаак был в течение недолгого времени епископом города Ниневии, входившей в юрисдикцию несторианской Церкви в Персидской империи, как и вообще вся его жизнь и деятельность прошла как будто бы в пределах этой Церкви. Тем не менее Православная Церковь издревле почитает его как святого и высоко чтит его духовные творения, в которых, конечно, нет никакого «несторианства». И я, конечно, не дерзну отнимать от него звание «святого», хотя самый факт принадлежности его (хотя бы формальной) к несторианской Церкви ставит перед православным богословским сознанием серьезные проблемы о природе Церкви и о возможности благодатной жизни и святости вне видимых ее пределов**[29]**.

Тезис о «формальной» принадлежности преподобного Исаака к несторианской Церкви был уже в наши дни повторен А.И.Сидоровым:

[Исаак Сирин], принадлежа *формально* к несторианской церкви (и являясь даже, хотя и очень краткое время, несторианским епископом), явил в своих творениях глубину православного Богомыслия... Перевод сочинений преподобного Исаака на греческий язык... признание их в Византии и на Руси творениями святого мужа и, наконец, канонизация его Православной Церковью являют, на наш взгляд, то, что Святой Дух проницает и зрит все и что для него нет формальных пределов и границ косного вещества**[30]**.

Ученый выдвигает гипотезу о том, что преподобный Исаак Сирин мог принадлежать к про-халкидонскому течению внутри несторианской Церкви. В монашеских кругах Церкви Востока с конца VI века существовало течение, которое имело тенденцию к сближению или даже слиянию с православием халкидонского направления: к этому течению принадлежали, в частности, Энана и Мартирий-Сахдона. Если Исаак Сирин также принадлежал к данному течению, его отречение от епископской кафедры можно истолковать как разрыв с Церковью Востока и тайный переход на халкидонские позиции**[31]**.

Данная гипотеза предлагает весьма элегантный выход из противоречия между принадлежностью Исаака Сирина к Церкви Востока и его почитанием в Православной Церкви. Гипотеза, однако, не подтверждается ни одним заслуживающим доверия источником. Писания самого Исаака, в частности, тексты, в которых он воспроизводит анафемы Соборов рубежа VI—VII веков**[32]**, созванных против Энаны, свидетельствуют как раз об обратном – о том, что он предпочитал держаться официальной доктрины своей Церкви и не симпатизировал оппозиционным течениям. В то же время, ничего эксплицитно несторианского в его христологии найти нельзя. Он, во всяком случае, далек от такой крайне диофизитской трактовки личности Иисуса Христа, при которой Его образ как бы разделяется на «два сына»: Исаак Сирин воспринимает Христа как одно Лицо — Бога, явившегося во плоти.

Что же касается собственно вопроса о святости преподобного Исаака, то, нам думается, коль скоро она не вызывала сомнений ни у кого из византийских и русских Отцов, почитавших его в течение многих столетий, у нас также нет никаких оснований «отнимать от него звание святого». Следует учитывать, что границы между Церквами во времена Исаака Сирина не были очерчены с той же четкостью, с какой они очерчены сегодня. В эпоху догматических споров (IV—VIII вв.) эти границы еще только формировались, и не все святые оказывались в наиболее догматически безупречной церковной юрисдикции. Достаточно вспомнить о преподобном Исаии Скитском, составителе известного сборника поучений, и святителе Петре Ивере, епископе Маиумском, выдающемся аскете и подвижнике, почитаемом в Грузинской Православной Церкви: оба святых жили во второй половине V века, не признавали Халкидонский Собор и придерживались монофизитских взглядов.

Творения преподобного Исаака

Сирийские источники говорят то о пяти, то о семи томах сочинений Исаака Ниневийского, однако мы не знаем, идет ли речь об ином делении того же корпуса текстов, который дошел до нас, или о каких-либо утраченных сочинениях Исаака. В настоящее время в нашем распоряжении имеются три тома сочинений Исаака Сирина, введенных в научный оборот.

Оригинальный текст 1-го тома сочинений Исаака дошел до нас в двух редакциях — восточной и западной**[33]**. Первая редакция отражена в издании Беджана**[34]**, вторая — в нескольких рукописях, самая ранняя из которых датируется IX—X веками**[35]**. Главные различия между

двумя редакциями заключаются в следующем: 1) восточная содержит многочисленные тексты и восемь Бесед, отсутствующие в западной; 2) западная содержит немногие тексты, отсутствующие в восточной; 3) восточная содержит цитаты из Феодора Мопсуестийского и Диодора Тарсийского: в западной эти тексты приписаны другим авторам. Хотя критического издания сирийского текста 1-го тома не существует, текстологический анализ обеих редакций, проведенный Д. Миллером, показал, что восточная редакция отражает подлинный текст Исаака, тогда как западная является переработкой этого текста**[36]**.

Именно с текста западной редакции на рубеже VIII и IX веков Авраамием и Патрикием, монахами Лавры Святого Саввы Освященного в Палестине, был сделан греческий перевод сочинений Исаака. Благодаря этому переводу христианский мир узнал о преподобном Исааке, потому что именно с него были впоследствии сделаны переводы преподобного Исаака многие другие языки.

Русскому читателю 1-й том Исаака Сирина был до последнего времени известен только по переводам, сделанным с греческого перевода, о котором святитель Филарет Московский говорил: «Вероятно, переводчик был не из ученых, т. е. не знал грамматических правил, и потому мешал слова и вместо должного выражения ставил неправильные и темные слова, да и от переписчиков, может быть, вкрались ошибки и невероятности»**[37]**. Приведу также отзыв протоиерея Георгия Флоровского: «Этот перевод часто неточен... В сирийском тексте меньше порядка, больше непосредственности»**[38]**. Добавлю от себя: в сирийском оригинале больше ясности, хотя и в нем немало мест, которые можно понимать, а следовательно, и переводить по-разному. Сравнивая греческий перевод таких мест с оригиналом, невозможно не заметить, что во многих случаях переводчик, не до конца поняв мысль святого Исаака, передал слова, но не сумел передать смысл.

Разница между сирийским оригиналом творений преподобного Исаака и их греческим переводом касается также состава и порядка Слов. Прежде всего, как справедливо отмечает архиепископ Филарет (Гумилевский), «в греческом переводе известна менее чем половина творений святого Исаака»**[39]**, поскольку на греческий язык вообще не были переведены 2-й и 3-й тома его творений. Впрочем, и из оригинальных 82-х Слов 1-го тома в греческий перевод не вошли четырнадцать Слов**[40]**.

С другой стороны, в греческий перевод вошли несколько Слов, не принадлежащих перу святого Исаака, а именно Слова 43, 2, 7 и 29, соответствующие Словам 8, 68, 9 и 20 русского перевода «Слов подвижнических». В сирийском корпусе творений преподобного Исаака Сирина этих Слов нет. Зато они имеются в корпусе творений другого сирийского мистического писателя, жившего в VIII веке — Иоанна Дальятского, причем рукописная традиция единогласно атрибутирует их именно этому автору**[41]**. Слово 9-е русского перевода «Слов подвижнических» преподобного

Исаака представляет собой не что иное, как Письмо 18-е Иоанна Дальятского**[42]**. Остальные три Слова принадлежат к собранию Бесед Иоанна Дальятского, текст которых пока не опубликован**[43]**.

Кроме того, в греческий перевод творений преподобного Исаака вошло «Послание к преподобному Симеону Дивногорцу», жившему в VI веке. На основании этого послания некоторые наши дореволюционные авторы, такие как архиепископ Сергий (Спасский), утверждали, что преподобный Исаак жил не в VII, а в VI веке. Однако это Послание (Слово 55 в русском переводе) ни в одной сирийской рукописи не надписано именем преподобного Исаака. Во всех сирийских рукописях, а также в арабской и эфиопской версиях Послание надписано именем Филоксена Маббугского. Послание сохранилось в двух версиях — полной и краткой; большинство имеющихся рукописей содержат полную версию, в которой произведение названо «Посланием к Патрикию Эдесскому». Авторство Филоксена подтверждают вся рукописная традиция и все современные ученые, работающие в области сирийских исследований**[44]**.

Еще одна особенность греческого перевода заключается в том, что в нем все цитаты из Феодора Мопсуестийского, Диодора Тарсийского и Евагрия, имеющиеся в сирийском оригинале творений преподобного Исаака Сирина, либо вовсе исключены, либо приписаны другим авторам, в частности, святителю Григорию Богослову или святителю Кириллу Александрийскому. Так например, Слово 19 из сирийского текста 1-го тома содержит несколько ссылок на Феодора Мопсуестийского: в греческом переводе это Слово опущено. В греческом переводе сирийского Слова 22**[45]** две цитаты из «Мыслей» Евагрия («Молитва есть чистота ума, которая одна, при изумлении человека, уделяется от света Святой Троицы» и «Чистота ума есть воспарение мысленного. Она уподобляется небесному цвету, в ней во время молитвы просиявает свет Святой Троицы»**[46]**) надписаны именем «Божественного Григория»**[47]**. А цитата из «Толкования на книгу Бытия блаженного Кирилла», содержащаяся в греческом Слове 48 (русском Слове 90)**[48]** в действительности является цитатой из одноименного толкования Феодора Мопсуестийского**[49]**. Такая переатрибуция была вполне допустимой и законной по представлениям византийских переводчиков и копиистов**[50]**.

Впрочем, цитаты из Феодора, Диодора и Евагрия были приписаны другим авторам уже в западно-сирийской версии творений преподобного Исаака, которой пользовались при переводе Авраамий и Патрикий. Эта версия представляет собой своего рода «монофизитскую» переработку творений преподобного Исаака Сирина; несколько Слов из оригинальной восточно-сирийской версии в ней опущены. Разница между греческим переводом творений преподобного Исаака и восточно-сирийским оригиналом в значительной степени обусловлена тем, что Авраамий и Патрикий переводили с западно-сирийской версии.

Греческий перевод Исаака является буквальным и потому сохраняет многие неясности сирийского оригинала: в некоторых случаях текст, очевидно, переводился без достаточного понимания его смысла. Кроме того, в текст при переводе вкрались многочисленные ошибки. Этот перевод был впервые издан в 1770 году в Лейпциге и с тех пор многократно переиздавался. Совсем недавно Иверским монастырем на Афоне было подготовлено и осуществлено критическое издание греческого перевода, выполненное Марселем Пираром**[51]**, который также сегодня присутствует среди нас.

Полный перевод греческого собрания Слов Исаака Сирина на славянский язык был сделан болгарским монахом Закхеем в начале XIV века. До того на славянском языке существовали лишь фрагменты сочинений Исаака (в частности, те, что вошли в «Пандекты» Никона Черногорца). Во второй четверти XIV века на Афоне появляется еще один славянский перевод «Слов» Исаака, сделанный старцем Иоанном. Оба перевода получили уже в XIV веке самое широкое распространение, в особенности в монашеских кругах: об этом свидетельствуют сохранившиеся многочисленные рукописи**[52]**. В конце XVIII века Паисий Величковский осуществил новую редакцию славянского перевода Исаака Сирина, опубликованную в 1812 году, но запрещенную тогдашней цензурой и потому не имевшую распространения вплоть до 1854 года, когда она была издана повторно Оптиной пустынью.

В том же 1854 году был опубликован полный русский перевод Исаака Сирина, сделанный Московской Духовной Академией. В 1911 году профессор Московской духовной академии С.И.Соболевский заново перевел Слова Исаака с греческого**[53]**. Лишь отдельные Слова из этого тома имеются сегодня в переводе с сирийского, а именно Слово 76, переведенное С.С.Аверинцевым**[54]**, Слово 54, переведенное мною**[55]**, Слова 19, 20 и 21, также переведенные мною**[56]**, и Слово 1, переведенное А.В.Муравьевым**[57]**. Выражаю надежду на то, что рано или поздно в руках русского читателя появится полный текст 1-го тома в переводе с сирийского, что станет очередной вехой в освоении наследия великого сирийца нашими соотечественниками.

Что касается 2-го тома сочинений Исаака, то о его существовании ученые знали по крайней мере со времени издания Беджана: последний опубликовал фрагменты из него по тексту рукописи, впоследствии — в 1918 году — утраченной**[58]**. Однако в 1983 году профессор Себастьян Брок обнаружил в Оксфордской Бодлеанской библиотеке другую рукопись, содержащую полный текст 2-го тома и датируемую X или XI веком**[59]**. По этой рукописи Брок и подготовил свое издание Бесед 4-41 из 2-го тома**[60]**, составляющих примерно половину его объема. Другая половина тома включает Беседы 1-3, из которых последняя делится на 400 глав под общим названием «Главы о знании». Эта коллекция еще ожидает публикации, хотя уже появились ее полные или частичные переводы на ряд европейских языков.

О 2-м томе творений Исаака Сирина Себастьян Брок пишет:

Вся рукописная традиция, включающая различные рукописи из трех Церквей (Церкви Востока, Византийской Православной и Сирийской Ортодоксальной Церквей) единогласна в атрибутировании второго тома святому Исааку... Содержание обоих томов свидетельствует о том, что у них один автор: в обоих томах есть общие весьма характерные темы, а также многочисленные фразеологические совпадения... Все это свидетельствует о том, что обязанность доказывать свою правоту лежит не на тех, кто уверен в принадлежности «второго тома» автору первого тома, а на тех, кому вздумается настаивать на обратном **[61]**.

Итак, 2-й том принадлежит тому же, кому и 1-й. И все же, поскольку несколькими русскими авторами в 1990-х годах были высказаны сомнения в подлинности этого тома, приведем основные доказательства в пользу его аутентичности.

Прежде всего, следует сказать о том, что Беседы из 2-го тома полностью или частично содержатся в общей сложности в девяти известных сегодня науке рукописях, и везде они надписаны именем Исаака. Если учесть, что творения некоторых Отцов (не говоря уже о сочинениях многих античных авторов) дошли до нас в одной-двух рукописях, то само по себе такое количество рукописей, содержащих писания из 2-го тома и единогласно атрибутирующих его Исааку, является веским доказательством в пользу принадлежности писаний именно ему.

Нельзя не упомянуть, что сирийские рукописи, содержащие известный нам корпус «Слов подвижнических», заканчиваются следующей ремаркой: «Окончилась, при помощи Божией, первая часть учения мар Исаака инока»**[62]**. Рукописи, содержащие 2-й том, напротив, начинаются со слов: «Начинаем переписывать Второй том мар Исаака, епископа Ниневийского». Таким образом, в сирийской рукописной традиции 2-й том мыслится как продолжение 1-го.

Отметим также, что две Беседы из 2-го тома идентичны двум Словам из 1-го тома, а именно, Беседа 16-я из 2-го тома соответствует Слову 54-му из 1-го тома**[63]**, а Беседа 17-я из 2-го тома соответствует Слову 55-му из 1-го тома**[64]**.

Кроме того, в тексте 2-го тома есть несколько ссылок на Слова из 1-го тома. Так например, в Беседе 3-й из 2-го тома (а именно, в главе 41-й из ее 1-й сотницы) автор говорит: «Сию книгу в напоминание себе написал я, как постиг из разумения Писаний, а немногое из собственного

опыта: на это я уже указывал в начале книги». Под «началом книги» имеется в виду Слово 14-е сирийского текста 1-го тома**[65]**, где тот же автор пишет: «Сие на память себе и всякому читающему написал я, как постиг из разумения Писаний... а немногое из собственного опыта»**[66]**. В Беседе 32-й из 2-го тома автор говорит: «Относительно этого чина, если кто желает услышать в точности, пусть прочитает выше длинное Слово, написанное нами о духовной молитве»**[67]**. К этому месту в рукописи Bodleian syr. e. 7 имеется схолия: «Это Слово написано в Первой части». Речь идет о Слове 22-м из 1-го тома, посвященном молитве**[68]**. Таким образом, совершенно очевидно, что тексты 1-го и 2-го томов написаны одним автором, который рассматривает их как одну «книгу».

Есть и много других факторов, подтверждающих принадлежность обоих томов одному автору. Один и тот же аскетический словарь используется в обоих томах: это касается, в частности, таких терминов, как *ihidaya* (отшельник, инок), *šelya* (безмолвие), *dubbara* (поведение, образ жизни, образ бытия, подвижничество), *sukkale* (прозрения, мысли), *zaw'e* (движения, побуждения, порывы), *temha* (изумление), *lebba* (сердце), *hawna* (ум), *re'yana* (разум), *mad'a* (мысль, мышление, сознание, разум), *herga* (размышление), *te'orya* (созерцание), *pulhana* (служение, служба), *'enyana* (беседа), *maggnanuta* (осенение), *gelyana* (откровение), *nahhiruta* (озарение), *qutta'a* (уныние) *' arpella* (темное облако, тьма) и другие. Даже такой редкий термин, как *qestonare* («истязатели», «стражи», «судебные следователи»), заимствованный из латыни через греческую транскрипцию, встречается в творениях преподобного Исаака дважды — один раз в 1-м томе (Слово 58-е**[69]**), другой раз — во 2-м (Беседа 9-я), причем при упоминании о *qestonare*-«истязателях» во 2-м томе преподобный Исаак добавляет «о которых говорилось выше», что можно истолковать как ссылку на 1-й том.

В обоих томах встречаются одинаковые идиомы, такие как «духовное созерцание» (*te'orya d-ruh*), «духовная молитва» (*slota ruhanayta*), «чистая молитва» (*slota dkita*), «тайная молитва» (*slota kasya*), «сердечная молитва» (*slota d-lebba*), «труд молитвы» (*'amla da-slota*), «молчание разума» (*šetqa d-re'yana*), «сокровенный свет» (*nuhra kasya*), «сокровенное служение» (*pulhana kasya*), «духовный образ жизни» (*dubbara ruhana*), «духовное знание» (*ida'ta d-ruh*), «жизнь (подвижничество) в безмолвии» (*dubbare dab-šelya*), «духовные тайны» (*raze ruhane*), «духовные прозрения» (*sukkale ruhanaye*), «смирение сердца» (*mukkaka d-lebba*), «движения души» (*zaw'e d-napša*), «служение добродетели» (*pulhana da-myattruta*), «море мира» (*yammeh d-'alma*), «корабль покаяния» (*elpa da-tyabuta*), «новый век» (*'alma hadta*), «собеседование знания» (*'enyana d-ida'ta*), «детский образ мыслей» (*šabrut tar'ita*), «опьянение в Боге» (*rawwayuta db-alaha*), «писания Духа» (*ktabay ruha*), «божественное откровение» (*gelyana alahaya*), «божественный помысел» (*huššaba alahaya*), «внутреннее умолкание» (*šelyuta gawwayta*), «рассудительное смирение» (*mukkaka d-puršane*), «изумление в Боге» (*tehra db-alaha*), «море безмолвия» (*yamma d-šelya, yamma d-šelyuta*), «совершенство знания»

(*gmiruta d-ida'ta*) и многие другие.

Оба тома характеризуются сходным образным строем. В частности, в обоих томах используются морские образы — корабль, море, волны, плавание, кормчий, ныряльщик, жемчужины и пр.

Тематика обоих томов в значительной степени совпадает. И там и здесь речь идет о любви Божией, о безмолвии и отшельничестве, о чтении Писания и ночном бдении, о молитве перед Крестом и поклонах, об унынии и богооставленности, о смирении и слезах, об изумлении и «опьянении» любовью Божией.

И в первом, и во втором томе содержатся ссылки на авторитетных для восточно-сирийской традиции авторов, таких как Евагрий Понтийский, Феодор Мопсуестийский и Диодор Тарсийский.

Наконец, стилистика, грамматика и синтаксис обоих томов неопровержимо свидетельствуют о том, что они написаны одним автором. Желающему это проверить необходимо обратиться к сирийскому тексту обоих томов и их сравнить. Провести такое сравнение, пользуясь только имеющимися русскими переводами, невозможно.

Сказанное выше относительно аутентичности 2-го тома в полной мере относится и к 3-му тому творений Исаака Сирина, в настоящее время также введенному в научный обиход. Правда, этот том известен лишь по одной весьма поздней рукописи**[70]**. Однако эта рукопись, датируемая приблизительно 1900 годом, представляет собой копию более раннего манускрипта. Она включает 133 листа, из которых первые 111 содержат сочинения Исаака Сирина – 17 Слов, по содержанию, языку, стилистике и синтаксису близких к вошедшим в 1-й и 2-й тома. При этом Слова 14 и 15 из 3-го тома соответствуют Словам 22 и 40 из 1-го тома, а Слово 17 – Беседе 25 из 2-го тома. Из оставшихся 14 Слов лишь два (4-е и 13-е) известны по другим манускриптам**[71]**.

На русский язык из 2-го тома творений Исаака Сирина переведены Беседы 1-2 и 4-41. Этот перевод, сделанный мною в 1998 году, за прошедшие годы выдержал уже семь изданий**[72]**. Кроме того, переведены некоторые части «Глав о знании» (Беседы 3-й из 2 тома)**[73]**. Что же касается 3-го тома, то он остается непереведенным, за исключением Слова 17-го (переведенного в составе 2-го тома в качестве Беседы 25).

Нет никаких сведений о существовании в сирийской рукописной традиции 4-го тома творений Исаака. Однако несколько рукописей, упоминаемых в каталогах библиотек христианского Востока, содержат небольшое собрание Слов из «Пятого тома божественного мужа Исаака, святого и отшельника, епископа Ниневийского». Текст этих рукописей недостаточно изучен, и

мнения ученых относительно авторства Исаака Сирина расходятся**[74]**. Учитывая, однако, что в некоторых сирийских источниках говорится именно о пяти томах творений Исаака Сирина**[75]**, можно ожидать, что и в этой малоизученной коллекции найдутся подлинные творения преподобного.

Заключение

Настоящая конференция, собравшая ведущих мировых специалистов в области сирийской патристики, является смотром научных сил, уже внесших свой существенный вклад в дело изучения наследия преподобного Исаака Сирина. Каждый из докладчиков поделится результатами своих научных изысканий, расскажет о тех научных открытиях, которые он сделал, читая творения великого сирийского Отца Церкви. В ходе конференции будут рассмотрены как различные проблемы, связанные с бытованием творений Исаака в рукописной традиции, в изданиях и переводах, так и различные аспекты его богословского, нравственного, аскетического и мистического учения.

Хотелось бы надеяться, однако, что эта конференция станет и новым шагом в деле изучения наследия преподобного Исаака, вдохновит молодых ученых, в том числе присутствующих здесь представителей студенчества, на новые исследования. Патрологическая наука – это безбрежное море, в котором опытные ныряльщики находят все новые и новые жемчужины. Самой крупной из них стало в конце XX века обретение 2-го тома творений Исаака Сирина, а начало XXI века ознаменовалось введением в научный оборот еще одной находки – его 3-го тома. Возможно, на пути изучения Исаака нас ждут новые открытия и обретения. Но даже те его труды, которые уже известны, далеко не все изучены, а многие остаются неизданными и непереведенными на современные языки. Творения Исаака Сирина, на которых воспитано не одно поколение монахов Востока и Запада, представляют собой обширное поле для новых исследований. И чем больше мы узнаем о преподобном Исааке, тем более значимым и притягательным становится для нас его образ.

Мне хотелось бы также выразить надежду на то, что за настоящей Первой патристической конференцией Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия последуют другие конференции, посвященные другим Отцам Церкви – греческим, латинским и ориентальным. Дело освоения патристического наследия в нашем Отечестве требует качественного прорыва, и я хотел бы верить, что научные форумы, подобные настоящему, станут

доброй традицией, будут способствовать воспитанию нового поколения ученых, для которых поиск духовного жемчуга в море святоотеческих писаний станет делом всей жизни.

---

[1] *Chabot, J.-B*. De sancti Isaaci Ninevitae vita, scriptis et doctrina. Paris, 1892.

[2] О «сынах завета» см. в: *G. Nedungatt*. The Covenanters of the Early Syriac-Speaking Church. — Orientalia Chriatiana Periodica 39. Roma, 1973. Pp.191—215; 419—444; *P. Escolan*. Monachisme et Eglise. Le monachisme syrien du IVe au VIIe siècle: un monachisme charismatique. Paris, 1999. P. 11—69.

[3] *Протоиерей Георгий Флоровский*. Восточные Отцы IV века. Париж, 1937. С. 227. Подробнее об Эдесской и Нисибийской школах см. в: *A. Vööbus*. History of the School of Nisibis. Louvain, 1965; *Н. В. Пигулевская*. Культура сирийцев а средние века; *Иларион (Алфеев), иеромонах*. Духовное образование на христианском востоке в I—VI вв. // Христианское чтение. Журнал Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии. № 18, 1999. С. 105—143.

[4] *D. Miller*. Translator's Epilogue. P. 489. В кн.: The Ascetical Homilies of Saint Isaac the Syrian. Boston, Massachusetts, 1984.

[5] Цит. по *D. Miller*. Translator's Epilogue. P. 503. Определения Соборов Церкви Востока конца VI — начала VII вв. относительно богословского наследия Феодора были вызваны не только борьбой против него Энаны, но и осуждением Феодора на V Вселенском Соборе (533 г.), о чем в Персии не могли не узнать, хотя и с опозданием.

[6] *G. Chediah*. The Christology of Mar Babai the Great. Kottayam, 1982. P. 194.

[7] *D. Miller*. Translator's Epilogue. P. 504.

[8] Ibid. P. 507—508.

[9] *Isho'denah*. Le Livre de la Chasteté. Ed. J.-B.Chabot. — Mélanges d'archéologie et d'histoire écclesiastiques 16. Paris, 1896. P. 63—64.

[10] Studia Syriaca. Ed. I. Rahmani. T. I. Beiruth, 1904. P. 33.

[11] Том II. Беседа 34, 4. Цит. по изд.: *Преподобный Исаак Сирин*. О божественных тайнах и о духовной жизни. Перевод с сирийского, предисловие, примечания митрополита Илариона (Алфеева). Издание седьмое, исправленное. СПб., 2013. С. 250.

[12] Том I. Слово 11. Цит. по: Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. [Перевод с греческого С. Соболевского]. Сергиев Посад, 1911. С. ……

[13] Studia Syriaca. Ed. I. Rahmani. T. I. P. 32-33.

[14] О Католикосе Гиваргисе см., в частности, *В. Болотов*. Из истории Церкви Сиро-Персидской. — Христианское чтение. Т. CCVII. Часть 1. СПб., 1899. С. 1028 (Болотов считает, что Гиваргис «был поставлен в самом конце 660 или начале 661 года... и умер в конце 680 года, т.е. патриаршествовал почти 20 солнечных лет и с лишком 20 лет лунных»). См. также: *Н. Пигулевская*. Культура сирийцев. С. 219.

[15] При дворе этого халифа служил отец преп. Иоанна Дамаскина. См.: *R. de Coz*. Histoire de l'Eglise d'Orient. P. 139.

[16] В Катаре существовала христианская Церковь, подчинявшаяся Католикосу Востока. Около 648 года епископы Катара отделились от восточно-сирийского Католикоса: схизма продолжалась до 676 года, когда Католикос Гиваргис посетил Катар и воссоединил его епископов с Церковью Персии.

[17] В настоящее время Ниневия находится на территории Ирака.

[18] По имени Дидима Слепца, великого александрийского богослова IV века.

[19] *J.-B. Assemani*. Bibliotheca Orientalis I. Roma, 1719. P. 445.

[20] В настоящее время провинция Хузистан входит в состав Исламской Республики Иран. Территория этой провинции отделена от остальной части Ирана горным хребтом Загрос.

[21] В настоящее время город находится на территории Ирака.

[22] *D. Miller*. Translator's Introduction. P. LXIX—LXX. В кн.: The Ascetical Homilies of Saint Isaac the Syrian. Boston, Massachusetts, 1984.

[23] См. *P. Bettiolo*. Introduzione. — *Isacco di Ninive*. Discorsi spirituali. Bose, 1985. P. 18. Эта гора находится на севере Хузистана. У ее подножия расположен город Шуштар.

[24] *A. Mingana*. Woodbroke Studies. T. VII. Cambridge, 1934. P. 268.

[25] *J.-B. Assemani*. Bibliotheca Orientalis. T. III, 1. P. 174.

[26] *J.-B. Chabot*. De sancti Isaaci Ninevitae vita, scriptis et doctrina. Paris, 1892. P. VII.

[27] Феодора Мопсуестийского.

[28] *Протоиерей Георгий Флоровский*. Византийские Отцы V—VIII веков. С. 185-186.

[29] *Архиепископ Василий (Кривошеин)*. Ангелы и бесы в духовной жизни по учению восточных Отцов. М., 2000. С. 43—44.

[30] *А. Сидоров*. Блаженный Феодорит Кирский — архипастырь, монах, богослов. —*Блаженный Феодорит Кирский*. История боголюбцев. М., 1996. С. 121. В своем курсе патрологии тот же автор называет Исаака «несторианским подвижником и епископом, удостоившимся быть причисленным к лику святых Православной Церкви»: *А. И. Сидоров*. Курс патрологии. М., 1996. С. 48.

[31] *А. Сидоров*. Блаженный Феодорит. С. 121—122.

[32] См. Том II. Беседа 39, 7. В кн.: *Преподобный Исаак Сирин*. О божественных тайнах и о духовной жизни. Изд. седьмое. С. 272–273.

[33] *D. Miller*. Translator’s Introduction. P. LXXVII—LXXVIII.

[34] См. *Mar Isaacus Ninevita.* De perfectione religiosa, quam edidit Paulus Bedjan. Leipzig, 1909.

[35] Codex Synaiticus Syriacus 24.

[36] См. *D. Miller*. Translator's Introduction. P. LXXVIII.

[37] Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. Сентябрь. М., 1909. С. 497.

[38] *Протоиерей Георгий Флоровский*. Византийские Отцы V—VIII веков. Париж, 1933. С. 186.

[39] Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 3. С. 175.

[40] А именно, а именно Слова 19, 20, 21, 23, 24, 26, 29, 31, 49, 54, 56, 71, 75, 76 по изданию: *Mar Isaacus Ninevita*. De perfectione religiosa, quam edidit Paulus Bedjan. Leipzig, 1909. Греческий перевод содержит 86 Слов и 4 Послания, но это количество достигнуто за счет дробления нескольких сирийских Слов Исаака на более мелкие Слова (каждое со своим порядковым номером), а также добавления пяти неподлинных произведений к подлинным Словам Исаака.

[41] Подробнее об этих четырех Беседах, приписанных Исааку, см. в: *R. Beulay*. Introduction. — La Collection des lettres de *Jean de Dalyatha*. Edition critique par R. Beulay. Patrologia Orientalis 39/3. Turnhout, 1978. P. 269—270 [17—18].

[42] Текст опубликован в: La Collection des lettres de *Jean de Dalyatha*. Patrologia Orientalis 39/3. P. 359—367 [107—115].

[43] Текст содержится, в частности, в рукописи Harvard 30 (XV век).

[44] *A. de Halleux*. Philoxène de Mabboug: sa vie, ses écrits, sa théologie. Louvain, 1963. P. 257.

[45] По греческой версии это Слово 32-е, по русскому переводу 16-е.

[46] См. Творения аввы Евагрия. М., 1994. С. 123—124.

[47] См. *Аввы Исаака Сириянина* Слова подвижнические. С. 67.

[48] См. *Аввы Исаака Сириянина* Слова подвижнические. С. 431: «Что имел Бог от начала, то всегда имеет и будет иметь до бесконечности, как сказал блаженный Кирилл в Толковании на Книгу Бытия» (следующее за тем изречение «Бойся Бога по любви, а не по имени жестокого, ему приданного» уже не относится к цитате, а является авторским текстом Исаака).

[49] См. *Mar Isaacus Ninevita*. De perfectione religiosa. P. 358: «Что имел Бог от начала, то всегда имеет и будет иметь до бесконечности, как сказал блаженный Толкователь в Толковании на Книгу Бытия». Цитированный Исааком фрагмент толкований Феодора Мопсуестийского опубликован в кн.: *Theodori Mopsuesteni* Fragmenta Syriaca. Leipzig, 1869. P. 2. В известных нам толкованиях св. Кирилла на Книгу Бытия такой фразы нет.

[50] Русские переводчики пошли еще дальше, чем греческие, и в одном месте приписали изречение Евагрия Иисусу Христу. См. *Аввы Исаака Сириянина* Слова подвижнические. С. 334: «И вот слово, изреченное Тем, Кто каждой вещи определил собственный ее образ: Молитва есть радость, воссылающая благодарение». Изречение заимствовано из «Слова о молитве» Евагрия (см. Творения аввы Евагрия. С. 79: «Молитва есть плод радости и благодарения»).

[51] *Abba Isaak tou Syrou Logoi asketikoi. Kritike ekdosi Markellos Pirar. Iera mone Iveron, Agion*

Oros, 2012.

[52] Подробнее о славянских переводах творений Исаака Сирина см. в: *С. Маслов*. Новый список Слов постнических Исаака Сирина... в древнейшей славянской редакции. Киев, 1912. См. также: *Гранстрем Е.Э., Тихомиров Н.Б*. Сочинения Исаака Сирина в славяно-русской письменности // Вестник церковной истории. № 1. М., 2007.

[53] См. Иже во святых отца нашего *аввы Исаака Сириянина* Слова подвижнические [Перевод с греческого С.Соболевского]. Сергиев Посад, 1911.

[54] Напечатано в антологии: От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1994. С. 279—281.

[55] Оно соответствует Беседе 16-й из сборника: *Преподобный Исаак Сирин*. О Божественных тайнах и о духовной жизни. М., 1998. С. 125—126.

[56] *Преподобный Исаак Сирин*. О совершенстве духовном. — «Церковь и время» № 4 (7), 1998. С. 179—191.

[57] Опубликовано в книге: *Муравьев А.В*. Воспаление ума в духовной пустыне. М., 2008.

[58] *Mar Isaacus Ninevita.* De perfectione religiosa, quam edidit Paulus Bedjan. Leipzig, 1909. P. 585—600.

[59] Рукопись Bodleian syr. e. 7 происходит из монастыря мар Абдишо и принадлежала раббану Ишо из селения Бет. Шрифт рукописи — восточно-сирийская эстрангела. Рукопись, датируемая X—XI вв., была приобретена оксфордской Бодлеианской библиотекой в 1898 году у

англиканского священника Яроо М. Неесана, уроженца урмийского региона. Манускрипт, написанный эстрангелой и состоящий из 190 листов размером 19.5 на 14.5 сантиметров, сохранился почти полностью, за исключением первого и последнего листов (текст в самом начале и самом конце рукописи поврежден). На последнем листе имеется надпись, начинающаяся словами: «Закончен, с помощью Господа и благодаря вспоможению от благодати Иисуса Христа, второй том (*palguta d-tarten*) мар Исаака, епископа Ниневийского. Молитва его да сохранит переписчика и читателя, аминь. Переписал же ее муж ничтожный и грешный и лишенный праведности, но преуспевший во зле, по имени Маркос...».

[60] См. *Isaac of Nineveh (Isaac the Syrian).* «The Second Part», chapters IV—XLI. Edited by Sebastian Brock. — Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium 554, Scriptores syri 224. Louvain, 1995.

[61] *С. Брок*. Предисловие к кн.: Преподобный Исаак Сирин. О божественных тайнах и о духовной жизни. Изд. второе. СПб., 2001.

[62] *J.-B. Assemani*. Bibliotheca orientalis. T. I. P. 160; *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об Отцах Церкви. Т. 3. М., 1859 [репринт М., 1996]. С. 175.

[63] Отсутствует в греч. и рус. переводах «Слов подвижнических».

[64] Слово 61 греч. перевода = Слово 32 рус. перевода. Если учесть, что Слова преподобного Исаака были сгруппированы в тома и пронумерованы не им самим, а кем-то из ранних переписчиков (о чем свидетельствуют заглавия Слов, где об Исааке упоминается в третьем лице), то наличие двух одинаковых бесед в разных томах не должно вызывать удивление.

[65] Слово 15 греч. перевода = Слово 65 рус. перевода.

[66] *Аввы Исаака Сириянина* Слова подвижнические. С. 344.

[67] Том II. Беседа 32, 6. Цит. по: *Преподобный Исаак Сирин*. О божественных тайнах и о духовной жизни. Изд. седьмое. С. 178.

[68] Слова 31-32 греч. перевода = Слова 15-16 рус. перевода.

[69] Слово 37 греч. перевода = Слово 34 рус. перевода (в переводе С. Соболевского «страж»).

[70] Tehran. Issayi Collection. Ms. 5.

[71] Dawra monastery. syr. 680; Vat. syr. 509; Mingana. 601.

[72] *Преподобный Исаак Сирин*. О божественных тайнах и о духовной жизни. Перевод с сирийского, предисловие и примечания игумена Илариона (Алфеева). Издание первое: М., 1998; Издание седьмое, исправленное: СПб., 2013.

[73] Избранные главы переведены в 2000 году. См.: *Преподобный Исаак Сирин*. О знании (избранные главы). Перевод с сирийского игумена Илариона (Алфеева). — Церковь и время № 4 (13) 2000. С. 315—324. В настоящее время готовится к изданию полный перевод 1-й сотницы «Глав о знании», сделанный С.Туркиным.

[74] См.: *S. Chialà*. Dall’ ascesi eremitica alla misericordia infinita. Firenze, 2002. P. 71-73.

[75] См. Studia Syriaca. Ed. I. Rahmani. T. I. P. 32-33: «Он составил пять томов, известных до сего

дня».

Источник: https://mospat.ru/ru/news/52160/